

Сирота Наум Михайлович, Хомелева Рамона Александровна

МЕЖДЕРЖАВНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В контексте новейших международно-политических реалий анализируются баланс сил ведущих мировых держав, сферы совпадения их интересов и соперничества в глобальном социуме. Рассматриваются долговременные факторы, способные снизить интенсивность конфликта между Россией и Западом, вернуть межгосударственные отношения в русло конструктивного сотрудничества, детерминировать становление новой международной системы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. II. С. 180-183. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

7. Гольдциэр И. Культ святых в исламе (Мухаммеданские эскизы). М., 1938. 180 с.
8. Ибрагимов И. Агулы. XVIII – первая XIX века. Махачкала, 2008. 230 с.
9. Ибрагимов И. Праздники и обряды агульцев // Народы Дагестана: этнос и политика. Махачкала, 1996. № 1-2. С. 47-50.
10. Ихилов М. М. Народности лезгинской группы: этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967. 369 с.
11. Калоев Б. А. Агулы (историко-этнографический очерк) // Кавказский этнографический сборник. М. – Л., 1962. Вып. 3. С. 69-109.
12. Пиотровский М. Б. Иблис // Мифология: большой энциклопедический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. 4-е изд-е. М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
13. Сефербеков Р. И. Аграрные культы табасаранцев. Махачкала, 1995. 126 с.
14. Сефербеков Р. И. О персонификации ветра у народов Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2005. № 3. С. 102-106.
15. Сефербеков Р. И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификация). Махачкала, 2009. 407 с.
16. Тарланов З. К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994. 287 с.
17. Тарланов З. К. Заметки по сельскохозяйственной магии агулов // Советская этнография. 1981. № 2. С. 123-132.
18. Токарев С. А. Обычаи, обряды и поверья, связанные с животноводством // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. С. 90-97.
19. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – нач. XX в. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 164 с.
20. Трофимова А. Г. Из истории религиозных обрядов вызывания дождя и солнца у народов Южного Дагестана // Азербайджанский этнографический сборник. Баку, 1965. Вып. 2. С. 97-111.
21. Ханбабаев К. М. Ислам на Кавказе (середина VII – 1991 г.) // Кавказ. Балканы. Передняя Азия: сборник научных трудов. Махачкала, 2003. Вып. 1. С. 94-102.
22. Шиллинг Е. М. Агулы // Панек Л. Б., Шиллинг Е. М. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996. С. 52-54.
23. Шихсаидов А. Р. Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001. С. 4-32.

**FROM THE MYTHOLOGY OF THE AGHULS:
RECONSTRUCTION OF PANTHEON AND PANDEMONIUM IMAGES**

Seferbekov Ruslan Ibragimovich, Doctor in History

*Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
ruslan-seferbekov@rambler.ru*

In the article on the basis of calendar holidays, rites, customs and beliefs, agrarian cults, vocabulary and phraseology the mythological characters of the past pagan pantheon and pandemonium of the Aghuls, one of the nationalities of Southern Dagestan, are reconstructed. Despite more than a thousand-year tradition of Islam confession by the Aghuls the relics of former pre-monotheistic beliefs are interwoven into the traditional spiritual culture of this ethnic group forming so-called “folk Islam”.

Key words and phrases: mythology; the Aghuls; pantheon; pandemonium; deities; demons; pre-monotheistic beliefs.

УДК 327

Политология

В контексте новейших международно-политических реалий анализируются баланс сил ведущих мировых держав, сферы совпадения их интересов и соперничества в глобальном социуме. Рассматриваются долговременные факторы, способные снизить интенсивность конфликта между Россией и Западом, вернуть межгосударственные отношения в русло конструктивного сотрудничества, детерминировать становление новой международной системы.

Ключевые слова и фразы: США; Китай; БРИКС; Россия; баланс сил; международная система; мироустройство; «умная сила».

Сирота Наум Михайлович, д. полит. н., профессор

Хомелева Рамона Александровна, д. филос. н., профессор

*Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
sirotanm@mail.ru*

МЕЖДЕРЖАВНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ[©]

Современный мир находится в состоянии социально-экономической трансформации, меняющей его политическое лицо. Факторами, влияющими на формирование новой структуры мира, являются: глобальный кризис как катализатор глубинных сдвигов в геополитическом ландшафте; неуклонное умножение числа суверенных государств, развивающихся по разновекторным социально-историческим траекториям; возрастание роли и степени автономии отдельных государственных институтов; всё более активный выход на мировую арену неправительственных организаций и наднациональных структур; усиливающаяся конкуренция со стороны ключевых акторов

и, прежде всего, государств; рост числа слабых и несостоявшихся государств, эрозия международного права, глобальных институтов и режимов. В расколотом мире повышается роль силы и «реальной политики», всё более востребованными становятся стратегии бескомпромиссной конфликтности. Хаотизация международной среды наиболее отчётливо просматривается в событиях последнего времени на Ближнем Востоке и в Украине.

На фоне глобальной турбулентности существующее мироустройство в зависимости от обстановки и решаемых проблем приобретает различные конфигурации – бесположности (ни одна держава не осуществляет функции лидера); однополярности с Соединёнными Штатами в качестве лидера; биполярности (соперничества-сотрудничества США и Китая); полицентричности (деятельность группы «двадцати»). Сосуществование различных форматов мироустройства предопределяет многообразие конфигураций взаимодействующих акторов, построенных на ситуативных союзах и гибких институтах. Обратной стороной функционирования модели, построенной на смене правил, является неустойчивость мировой системы.

Основные проблемы глобального развития решаются ведущими мировыми державами, хотя формально выносятся на обсуждение в различных международных организациях и становятся предметом дебатов в парламентах. В контексте новейших международно-политических реалий возрастает потребность в осмыслении влияния этих держав на современный мир и особенностей их соперничества в глобальном социуме, в прогнозировании эволюции существующей мирополитической системы.

С момента опубликования в 1823 г. доктрины Монро и по настоящее время Соединённые Штаты оказывают возрастающее влияние на глобальные процессы, а в XXI столетие вступили в статусе мирового лидера. Они обладают самым мощным военным потенциалом в мире и по существу являются единственным государством, способным проводить комплексную многовекторную и мультирегиональную внешнюю политику. По мнению ряда ведущих американских экспертов (Зб. Бжезинский, Дж. Най), «умная сила» может стать универсальным инструментом внешнеполитического курса США в обозримом будущем [6; 9].

Лидерство США, на наш взгляд, не является гегемонией, понимаемой, с одной стороны, как материальное доминирование и господство одного государства над другими, обеспечиваемое, прежде всего, инструментами принуждения, а с другой – как способность державы-лидера формулировать правила международного поведения и обеспечивать их соблюдение [1, с. 8].

Превосходя другие государства по совокупной мощи и влиянию на мировые процессы, США, тем не менее, сталкиваются с нарастающими трудностями в сохранении лидерских позиций из-за колоссального государственного долга, бюджетного дефицита и усиления конкуренции на мировой арене со стороны других центров силы, прежде всего Китая.

К настоящему времени накопился обширный пласт публикаций об упадке Америки и возвышении Китая. Их авторы прогнозируют грядущее опережение Китаем Соединённых Штатов по абсолютным экономическим показателям, и даже формирование новой биполярности по мере его превращения во вторую сверхдержаву.

Хотя Китай и другие страны БРИКС по объёму ВВП действительно догоняют Соединённые Штаты, производимая ими продукция качественно уступает американской. Даже самая мощная из экономик этого интеграционного объединения – китайская – практически полностью зависит от импортных технологий и ориентирована в первую очередь на производство дешёвых товаров для рынков более развитых стран, включая США.

Несмотря на позитивные сдвиги в использовании инструментария «умной силы» с целью формирования прокитайской настроенных групп населения, влияние Китая уступает американскому и японскому. Привлекательность китайской модели носит ограниченный характер, а имидж Китая в мире продолжает оставаться неоднозначным или негативным, за исключением некоторых азиатских и африканских стран. По оценке американского профессора Д. Шамбо, с конца 2000-х гг. репутация КНР в Азии ухудшилась из-за активной модернизации военного потенциала и ужесточения позиции КНР в регионе Юго-Восточной Азии [10, р. 9-11].

Прочность и долговременность американской мощи основывается, прежде всего, на инновационности экономики. Чтобы сравняться с США и тем более превзойти, их Китаю необходим переход на качественно иной уровень технологический уровень. Доступ же к новейшим разработкам контролируется ведущими мировыми ТНК. Китайское руководство, понимая императивность такого перехода, пытается ускорить и облегчить решение этой задачи через масштабный коммерческий кибершпионаж.

Во взаимодействии США с Китаем со времён «холодной войны» сочетают два подхода – «сдерживание» и «вовлечение». После отказа Китая от раздела мира на «сферы влияния» через учреждение предложенной Зб. Бжезинским и Г. Киссинджером «Большой двойки» приоритет был отдан «сдерживанию», которое мотивируется усилением совокупной государственной мощи соперника, его геополитическими и геоэкономическими притязаниями.

В ситуации подозрительности и обоюдной настороженности ведущих держав вероятны любые конфликтные инциденты. Однако необходимое для военного сценария сочетание конфликтных мотиваций и провоцирующих обстоятельств пока не сформировалось.

Помимо экономических параметров возможности стран БРИКС конкурировать с Соединёнными Штатами ограничены их региональным уровнем, отсутствием дипломатических и политических средств влияния на глобальную политику. Причинами тому бедность населения и сложные социальные проблемы, несовершенство политических систем региональное соперничество (КНР – Индия, Бразилия – Аргентина), неэффективность интеграционных процессов. Можно согласиться с американским исследователем Б. Джонсом в том, что страны БРИКС, уступая Соединённым Штатам по степени своего влияния на мировую политику, способны главным образом осложнить реализацию отдельных американских инициатив на глобальном уровне [7, р. 45].

Фактором увеличения могущества США является широкая система альянсов и партнёрств, которой не располагает ни одна другая страна. Американский потенциал в сферах разведки и дипломатии позволяет

осуществлять мобилизацию сторонников на решение поставленных задач. В обозримой перспективе по существу только Соединённые Штаты обладают необходимым арсеналом средств для оказания программирующего влияния на мировое развитие.

Представляется нетривиальным подход к оценке потенциала и внешнеполитического позиционирования стран «двадцатки» в системе международных отношений, предложенный Б. Джонсом. По его мнению, из десяти крупнейших стран пять являются союзниками США, готовыми следовать в русле американской политики (Япония, Великобритания, Германия, Франция, Италия). Возможности России, которая проводит самостоятельный курс, ограничены [Ibidem, p. 49-50]. Другие страны «группы двадцати» рассматриваются либо как союзники США (Канада, Австралия, Испания, Нидерланды, Республика Корея, Турция, Саудовская Аравия), либо, не входя в формальные альянсы с Соединёнными Штатами, не являются оппонентами американской политики (Мексика, Швейцария и Индонезия). Согласно подсчётам Б. Джонса, в число государств, в той или иной степени разделяющих интересы и цели Соединённых Штатов, входит две трети участников элитного клуба. Отсюда делается весьма спорный вывод о том, что потенциал этих государств суммируется с американским и укрепляет позиции США [Ibidem, p. 51-59].

Возможность повышения международного статуса и усиления влияния России на глобальные процессы в существенной степени зависит от самоопределения, понимаемого как выбор эффективной модели внутреннего устройства и нахождение адекватного места в мире. Чтобы стать привлекательным партнёром ей предстоит сформировать прогнозируемую внутреннюю и внешнюю политику, возможную лишь при наличии реально функционирующих демократических институтов.

Сложившийся в России, по определению К. Г. Холодковского, плебисцитарно-бюрократический режим [5, с. 245], в котором усиливается авторитарное начало, служит препятствием для инновационного развития, неосуществимого без свободного человека, и ограничивает стратегические возможности страны в системе международных отношений. Российская авторитарная традиция сумела возродиться путём имплантации западных ценностей и институтов. Императив современного мирового развития – задача модернизации, на каком-то этапе провозглашённая целью национальной стратегии, не решена и маргинализована. Характерная для переходного режима бурная внешнеполитическая активность, нацеленная на демонстрацию зримых успехов социуму, на деле не отвечает долгосрочным интересам страны и не компенсирует дефицит доверия к ней.

С учётом непредсказуемости внутренней и внешней политики России представляются весьма неопределёнными перспективы Евразийского Союза. Члены этой организации – недемократические государства нередко проявляют недоверие друг другу и прежде всего к России, опасаясь претензий на доминирование и видя в ней преемницу Российской империи. Использование российской властью в качестве средства давления на соседей фактора природных ресурсов позволяет вынуждать их к ритуальным заявлениям о поддержке России и даже к подписанию тех или иных соглашений. Однако альянсы такого типа непрочны и обречены на низкую эффективность.

В поддержании великодержавных притязаний власти существенную роль играет культивирование и обновление мифологии массового сознания. Сталинский миф преподносится в виде легенды о великом и эффективном менеджере, обустроившем СССР. Всей мощью государственных СМИ реанимируется миф об «особом пути» России и неприемлемости для неё европейского пути с приоритетом прав человека и политического плюрализма. Рассуждения на эту тему аргументируются ссылками на известных русских мыслителей с игнорированием того непреложного факта, что путь любой страны – в известном смысле особый.

Политический конфликт на Украине, присоединение Крыма и военное противостояние на юго-востоке Украины резко обострили противоречия между Россией и Западом. Сложившаяся ситуация быстро приобрела глобальное измерение и нередко оценивается как «холодный мир», начало «новой холодной войны» или даже пролог к третьей мировой войне.

С учётом экономической слабости России, амбивалентности её политического устройства и незавершённости самоидентификации конфликт между ней и Западом относится к категории асимметричных. С точки зрения сопоставимости ракетно-ядерных потенциалов сторон конфликт является симметричным.

Конфронтация между РФ и Западом существенно отличается от «холодной войны». Она охватывает гораздо более узкий круг участников. Возрастает роль геополитической и экономической составляющих конфликта при снижении значимости идеологического компонента. Прямое военное противостояние маловероятно, но не исключены непосредственные столкновения.

Несмотря на усилившиеся взаимное недоверие и рост напряжённости в отношениях между Россией и Западом, действуют долговременные факторы, способные в перспективе снизить интенсивность этого негативного тренда мировой политики. К их числу следует отнести:

- 1) заинтересованность влиятельных членов мирового сообщества в прекращении конфликта на Украине при сохранении её территориальной целостности, в «финляндизации» страны;
- 2) наличие сфер совпадения интересов и сотрудничества России и США («северный маршрут» в Афганистан, ядерная программа Ирана, реализация договора СНВ-3, освоение космоса и др.);
- 3) общемировой характер вызовов, порождаемых негативными аспектами глобализации, – трансграничные потоки террористов, вирусы (биологические и виртуальные), выбросы парниковых газов и др.;
- 4) осознание угроз, вызываемых нарастающей хаотизацией международной среды и особенно активностью радикального исламизма;
- 5) опасения в США, вызываемые геополитическим сближением между Россией и Китаем, непредсказуемостью последствий антироссийских санкций;

б) жизненная необходимость для России сотрудничества с Западом, прежде всего, для модернизации её экономики.

Совокупность этих факторов, видимо, предопределяет переход сторон конфликта от формулы «противник-партнёр» к более естественной формуле «партнёр-соперник». В перспективе может оказаться востребованной идея построения Союза Европы – единого человеческого и экономического пространства от Ванкувера до Владивостока. Возможна нормализация и российско-американских отношений на равноправной основе.

Чрезвычайно важно, что, несмотря на заметное охлаждение отношений на межгосударственном уровне, россияне сохраняют симпатии к большинству европейских стран и народов. В отличие от США баланс оценок ведущих стран Европы – Великобритании, Франции и Германии сохраняет хотя и понижающуюся, но в целом позитивную динамику [2, с. 21].

В вопросе о внешнеполитических приоритетах России значимо то обстоятельство, что она начала формирование как европейская страна, противостоящая вызовам из Азии. Начав свою экспансию в Поволжье и Сибирь, в Крым, на Кавказ и в Среднюю Азию, Россия выступала там как европейская, христианская страна, противостоявшая азиатскому и мусульманскому началу. Периоды наиболее успешного развития России связаны с преобладанием европейского вектора в политике. На наш взгляд, прав отечественный учёный В. Л. Иноземцев, видя миссию России в том, чтобы быть европейцами в Азии, а не позиционировать себя как нация полувосточников / полуазиатов [3, с. 78].

«Поворот на Восток» позволяет России быть одновременно атлантической и тихоокеанской державой, обращённой на Западе к Евросоюзу, а на востоке – прежде всего к Западу в лице Соединённых Штатов, Канады и Японии. Перейдя от экспортно-сырьевой к высокотехнологичной экономике, Россия может стать глобальным центром силы.

Для выхода из конфронтации России и Запада, с нашей точки зрения, конструктивны рекомендации таких известных американских экспертов, как почётный профессор Колумбийского университета Р. Легволд и президент Совета по международным отношениям Р. Хаас. По мнению Р. Легволда, «...задача первоочередной важности, стоящая перед Москвой и Вашингтоном в настоящий момент, – сделать “новую холодную войну” как можно более быстротечной и неглубокой. И средством достижения этой цели должен стать принцип минимизации ущерба. Минимизация ущерба, нанесённого “новой холодной войной”, потребует её сдерживания и постепенного прекращения» [8, р. 82]. Р. Хаас считает, что «...Москве нужно предложить дипломатический выход из создавшегося положения, включая гарантии того, что Украина в ближайшем будущем не станет членом НАТО и не установит исключительные связи с Евросоюзом» [4, с. 31].

Анализ перемен в структуре современного мира, характера и форм соперничества ведущих мировых держав позволяет сделать следующие выводы:

- 1) происходит перераспределение удельного веса существующих и возникающих центров силы и влияния;
- 2) один из главных трендов мирового развития – деполяризация и полицентризация – создаёт новые возможности для сотрудничества центров силы, порождает беспрецедентные коллизии и риски, а для своего функционирования будет нуждаться в правовом обеспечении.

Список литературы

1. **Богданов А. Н.** Американская гегемония и факторы системной нестабильности в XXI веке // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 3 (38). Июль-сентябрь. С. 8-32.
2. **Горшков М. К., Петухов В. В.** Внешнеполитические ориентации россиян на новом переломе // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 10-34.
3. **Иноземцев В. Л.** Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 71-82.
4. **Хаас Р.** Разваливающийся миропорядок // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12. № 6. Ноябрь-декабрь. С. 22-32.
5. **Холодковский К. Г.** Самоопределение России. М.: РОССПЭН, 2013. 326 с.
6. **Brzezinski Zb.** Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power. N. Y.: Basic Books, 2012. 208 p.
7. **Jones B.** Still Ours to Lead. America, Rising Powers, and the Tension between Rivalry and Restraint. Washington: The Brookings Institution Press, 2014. 263 p.
8. **Legvold R.** Managing the Cold War. What Moscow and Washington Can Learn From the Last One // Foreign Affairs. 2014. July-August. P. 74-84.
9. **Nye J. S., Jr.** The Future of Power. N. Y.: Public Affairs, 2011. 300 p.
10. **Shambaugh D.** China Goes Global: The Partial Power. N. Y.: Oxford University Press, 2013. 409 p.

INTERSTATE RIVALRY IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

Sirota Naum Mikhailovich, Doctor in Political Sciences, Professor
Khomeleva Ramona Aleksandrovna, Doctor in Philosophy, Professor
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
sirotanm@mail.ru

In the context of the latest international-political reality the balance of the forces of the leading world powers, the spheres of their political accord and rivalry in global society are analyzed. Long-term factors, which can reduce the intensity of conflict between Russia and the West, return interstate relations in the direction of constructive cooperation, determine the formation of a new international system, are examined.

Key words and phrases: the USA; China; BRICS; Russia; balance of forces; international system; world order; “smart power”.